

«Чжэнь и Вэй бурлят, разливаясь... Юноши и девушки с орхидеями в руках...»

«И дарят друг другу пион».

Покидая Резиденцию министра, Тан Шэнь не осмелился обернуться. Он знал, что Ван Цзыфэн наверняка стоит с фонарем в руках и провожает его взглядом.

Вернувшись в Поместье Таньхуа, Тан Шэнь провел рукой по лицу, и то капризно-слёзное выражение, что было у него в Резиденции министра, мгновенно испарилось. Он знал, как вести себя с Ван Цзыфэном: пусть он и не мог перехитрить этого человека, зато знал, как благополучно выпутаться из ситуации.

Тан Шэнь быстрыми шагами прошел в кабинет, достал кисть, тушь, бумагу и тушечницу, намереваясь записать все вести, которые узнал за сегодня. Однако, взяв кисть, он почувствовал, как пальцы слегка дрожат, и так и не смог сделать ни единого мазка.

Тан Шэнь обхватил свое правое запястье, пытаясь унять дрожь.

Спустя долгое время он поднял руку и прикрыл глаза.

Перед глазами стояла непроглядная тьма. Он не знал, куда именно смотрел Ван Чжэнь и каково было выражение его лица. Но тот поцелуй совершенно точно состоялся — Ван Цзыфэн прикоснулся губами к тыльной стороне собственной ладони, но это прикосновение словно огнем выжгло след в самой глубине души Тан Шэня.

— Ван Цзыфэн...

Произнеся это имя, Тан Шэнь мгновенно застыл от неожиданности: он и сам не думал, что подсознательно прошепчет его. Опомнившись, он опустил взгляд и обнаружил, что листок рисовой бумаги уже сплошь исписан тремя иероглифами:

«Ван Цзыфэн».

Тан Шэнь бессильно опустился в кресло, потеряв дар речи.

Примечание автора:

Сосед Ван: Раз ты такой милый, не стану тебя принуждать. Всё равно нет ничего, чего бы я хотел узнать и не узнал.

Маленький господин Тан: «Сегодня ночью я не усну QAQ.jpg».

Тан Шэнь не смыкал глаз всю ночь. В полночь хлынул проливной дождь, и за окном до самого рассвета барабанила капель.

На следующий день цзедуши провинции Лючжоу Цинь Сы был вызван обратно в столицу.

Три года назад Цинь Сы, занимавший тогда должность правого заместителя министра финансов, впал в немилость из-за плохой службы в Финансовом приказе, после чего император сослал его в Лючжоу на пост цзедуши пятого ранга. Хотя Лючжоу и уступал Цзяннаню в богатстве, всё же это был край с изобильными ресурсами и процветающим народом. За время службы Цинь Сы в Лючжоу погода благоприятствовала урожаю, сопутствовали усердие и гармония среди людей, поэтому его снова призвали в Шэнцзин.

В тот же день Чжао Фу принял Цинь Сы во Дворце Чуйгун.

Цинь Сы исполнилось тридцать шесть лет. Три года назад, покидая столицу, он еще не носил бороды, а теперь отпустил аккуратные изящные усы, да и во взгляде прибавилось следов житейских бурь. Представ перед Чжао Фу, он не стал вдаваться в личные разговоры, а сразу доложил о своих делах в Лючжоу за эти три года, а также о местных обычаях и нравах.

Чжао Фу слушал с искренним интересом. Заметив усы на лице Цинь Сы, он вздохнул:

— Цинь Юйдэ, ты тоже в конце концов постарел!

Все вокруг знали, что Цинь Сы терпеть не мог признавать свой возраст. Он искренне считал себя человеком в самом расцвете сил, а потому в эпоху, когда многие чиновники отщипывали и отращивали бороды, считая это верхом изящества, сам он за тридцать с лишним лет ни разу не отращивал усов. Если его кто-то спрашивал об этом, он даже прикрывался Ван Чжэнем: «Взгляните на Господина министра! Он тоже не носит бороды, а каков у него вид — статный, исполненный благородства и словно сошедший с небес небожитель!»

Однако два месяца назад Ван Чжэнь прислал ему письмо с намеком, что вскоре тот может вернуться в Шэнцзин, и с тех пор Цинь Сы намеренно отпустил усы.

Услышав слова Чжао Фу, Цинь Сы от волнения чуть не прослезился. Помявшись, он в конце концов склонился в глубоком поклоне и произнес:

— Вашему слуге исполнилось уже тридцать шесть.

Чжао Фу с глубоким смыслом посмотрел на него и промолвил:

— В человеческой жизни не так уж много таких трехлетий. Жаль только, что совсем скоро Нам снова придется расстаться с тобой.

Слыша это, Цинь Сы содрогнулся. Подумав, что он проговорился или что император разгадал его мелкую хитрость с изображением жертвы, он почувствовал, как по спине пробежал холодок, и мысленно осыпал себя проклятиями за излишнюю хитрость.

К счастью, едва он покинул дворец, как пришел указ Чжао Фу: повесить цзедуши Лючжоу Цинь Сы до главного счетовода Приказа серебряных ассигнаций с пожалованием третьего чиновного ранга. Цинь Сы со слезами благодарности принял указ. Вскоро к нему в имение ринулись старые знакомые, чтобы поздравить с высоким назначением.

Хотя Господину Цинь предстояло незамедлительно отправиться к месту службы в город Ючжоу, он терпеливо принимал всех чиновников, укрепляя нужные связи.

Лишь через два дня у Господина Цинь выдалось свободное время. Он специально велел слугам купить коробку сладостей в Лавке Цайцичжай и отправился в Резиденцию Министра финансов нанести визит Ван Чжэню.

Господин Цинь преподнес коробку со сладостями.

Ван Чжэнь бросил взгляд на подарок:

— Сладости из Лавки Цайцичжай?

Господин Цинь ответил:

— Подчиненный всегда любил лакомства из Цайцичжай. Три года назад в беседке за десять ли от столицы Господин министр пожаловал мне одну коробку, и тот изысканный вкус подчиненный помнит до сих пор. Теперь, вернувшись в столицу, я специально купил их попробовать и захотел разделить угощение с Вашим Превосходительством.

Ван Чжэнь оставил Господина Цинь на обед, и они весьма душевно побеседовали.

Господин Цинь засвидетельствовал Ван Чжэню свою преданность и, получив нужные намеки, без малейших колебаний покинул резиденцию, готовясь через несколько дней отправиться в Ючжоу.

Вернувшись в свои покои, Ван Чжэнь поглядел на коробку сладостей и подозвал дворецкого:

— Отнеси эти сладости господину Тану.

Дворецкий кивнул и изъявил покорность.

Не успел дворецкий сделать и двух шагов, как Ван Чжэнь окликнул его. Он взял в руки легкую коробку со сладостями и приподнял верхнее отделение: там лежали сахарные пирожные «Ваньшоу», снежные пирожные и финиковые коврижки. Во втором отделении покоились лotosовые коржики, слоеные коржи с хрустящей корочкой и пареные пирожки с фруктовой начинкой.

Ван Чжэнь с минуту внимательно разглядывал коробку, затем слегка постучал и приподнял деревянную дощечку на дне второго уровня. В потайном отделении под ней находился раритетный список прежних времен — фолиант «Минцзинте» работы самого Святого каллиграфии. Ван Чжэнь поднес его к лицу и ощутил стойкий аромат сладостей, который, похоже, выветрится еще нескоро.

Ван Чжэнь со вздохом изрек:

— Какое кощунство по отношению к драгоценности!

Увидев «Минцзинте», дворецкий тоже обомлел и подумал: «Господин Цинь совершенно не умеет беречь сокровища!»

Ван Чжэнь уложил «Минцзинте» обратно в потайной отсек и вновь передал коробку дворецкому:

— Отнеси господину Тану.

Дворецкий изумился:

— Молодой господин?

Ведь внутри лежала рукопись, которую не купить и за тысячи золотых!

Ван Чжэнь произнес с искренним тоном:

— Скажи ему, что это выражение моего расположения, и попроси вкушать сие с большим вниманием.

Дворецкому ничего не оставалось, как доставить коробку сладостей из Лавки Цайцичжай в Поместье Таньхуа.

Слова Ван Чжэня он передал с точностью, хотя ему невероятно хотелось намекнуть Тан Шэню, что в коробке спрятана бесценная рукопись кисти самого Святого каллиграфии. Но раз господин не велел открывать секрет, он не смел ослушаться. Возвращаясь в Резиденцию министра, дворецкий непрестанно оглядывался, опасаясь, как бы Тан Шэнь не заметил тайника и не выбросил коробку на свалку.

Однако Тан Шэнь в этот момент сам пребывал в крайней тревоге.

Три дня назад в Резиденции министра Ван Цзыфэн прочел ему стихи «Чжэнь Вэй». Прошло уже три дня, а этот нежный и чистый голос все еще эхом отзывался в его ушах, заставляя метаться с боку на бок по ночам. Все эти три дня Тан Шэнь всеми силами избегал Ван Чжэня, стараясь не попадаться ему на глаза. К счастью, сейчас Тан Шэнь служил в Цензorate, и единственным местом, где их пути могли пересечься, были утренние аудиенции. К тому же Ван Чжэнь являлся сановником второго ранга, а Тан Шэнь — лишь чиновником четвертого, так что при должной осмотрительности встретиться с ним было не так-то просто.

Теперь же, получив подарок от Ван Цзыфэна, Тан Шэнь был настолько настороже, что никак не стал бы спокойно лакомиться пирожными.

Он даже не осмелился дотронуться ни до одного кусочка!

Пытаясь разгадать замысел Ван Чжэня, Тан Шэнь вынул блюда со сладостями из деревянной коробки и остался сидеть в кабинете, оцепенело уставившись на пустую шкатулку. Спустя долгое время он вдруг замлел, словно озаренный догадкой, и принялся осматривать коробку на предмет потайных отделений. И при осмотре...

«...» — Тан Шэнь с абсолютно бесстрастным лицом извлек фолиант «Минцзинте».

Пусть Тан Шэнь и не был великим коллекционером и плохо разбирался в точной стоимости рукописей Святого каллиграфии, разве мог он не понимать, насколько бесценна эта вещь? Не то что дарить кому-то — найдись такое сокровище, его надлежало немедленно передать в Императорский дворец, поместить в личную сокровищницу правителя и беречь как национальное достояние!

И ты, Ван Цзыфэн, посмел утаить её у себя?!

Да ещё и подарил ему?!

Это была настоящая раскаленная картошина, которую Тан Шэнь просто не смел держать в руках.

На следующее утро после завершения утреннего приема Тан Шэнь намеренно остался поджидать снаружи дворца. Увидев экипаж с фонарем «Министр финансов», выезжающий из внешних дворцовых ворот, он тут же бросился наперерез. Ван Чжэнь с удивлением приподнял шторку кареты и, узнав Тан Шэня, слегка улыбнулся:

— Младший соученик, с чего вдруг ты набрался храбрости прийти ко мне?

Тан Шэнь: «...»

Что значит «набрался храбрости»? С каких это пор я боялся встретиться с тобой?

Тан Шэнь преподнес подарочную коробку и обеими руками протянул ее Ван Чжэню:

— Вчера я написал каллиграфический альманах и хотел бы поднести его Господину министру для оценки и наставлений.

Ван Чжэнь пошевелил бровью:

— Поднести Господину министру?

Тан Шэнь растерялся:

— ...Да?

Лицо Ван Чжэня мгновенно сделалось суровым, и он произнес со всей строгостью и праведным гневом:

— Средь бела дня, под ясными небесами, прямо у подножия императорского дворца ты дерзаешь преподносить подарки высокопоставленному чину! Насколько помнится чиновнику, господин Тан служит в Цензorate — неужто это и есть знаменитая «чистая лупа, скрывающая грязь»? Господин Тан, ты что же, пытаешься дать мне взятку?!

Тан Шэнь от столь резкой отповеди стоял совершенно ошарашенный.

<http://bllate.org/book/18292/1757437>